

На корме вырисовалась фигура Гань Чуаня. На нем красовался щегольской белый костюм с заостренными лацканами, длинные волосы были собраны в аккуратный хвост на затылке, а на переносице, несмотря на глухую ночь, сидели одиозные желтые очки от солнца.

В жилах Гань Чуаня текла смесь кровей Муямы и Китая, хотя, судя по его экзотической внешности, этим дело не ограничивалось. Двухметровый рослый верзила под метр девяносто, он обладал костяком ощутимо шире, чем у обычных людей. У высоких парней лицо нередко выглядит неказисто, словно приборный рост обделил их гармонией.

Однако Гань Чуаню с ликом повезло: высокий, породистый мост носа, глубоко посаженные глаза и тонкие, четко очерченные губы. Вот только этой почти аристократической физиономии совершенно не вязались развязные манеры законченного бандита.

Сняв очки, Гань Чуань шагнул к Чэнь Суну. Смерив его неторопливым, насмешливым взглядом, он с ухмылкой протянул:

— И как я раньше не замечал, что наш замдиректора Чэнь такой коротышка? Ты ж ниже моей восьмидесятилетней бабки. В детстве много дерьма жрал, вот и ростом не вышел?

— Знаешь, Гань Чуань, на свете есть два вида существ с развитыми мускулами и мозгами размером с орех, — отчеканил Чэнь Сун. — Это гориллы и ты.

Гань Чуань даже бровью не повел, лишь еще шире оскалился:

— А ты знаешь, что есть два вида тварей, которые считают себя умниками, а на деле представляют собой редких долбоебов? Это обезьяны и ты.

У Чэнь Суна желваки ходили ходуном от злости, но не успел он опомниться с ответом, как вмешался Босс Янь:

— Все в сборе. Отплываем.

Моторы яхты оглушительно взревели, и судно взяло курс в непроглядную морскую тьму.

Люди Чэнь Суна и Гань Чуаня распределились по бортам: одни встали на левом, другие на правом, огибая центральную каюту, предоставленную для развлечения боссов.

В верхних салонах заливался яркий свет, оттуда доносились взрывы хохота и пьяные песни. Нижняя же палуба утопала во мраке, где бесшумно прохаживались охранники в черном, зорко следя за порядком.

Лю Чжиян находился внизу. Закончив с расстановкой людей на левом борту, он достал

сигарету. Шестерка из подчиненных тут же услужливо щелкнул зажигалкой.

Прикурив, Лю Чжиян выдохнул густую струю дыма в сторону чернеющего океана и сухо спросил:

— Кто сегодня отвечал за досмотр при посадке?

К нему тут же приволокли Сигоу. Тот согнулся в три погибели, уставившись в палубу так, что видна была лишь макушка.

Лю Чжиян окинул его ленивым взглядом: осветленные грязно-желтые волосы, пестрая шелковая рубашка дорогого кроя, толстая золотая цепь на шее. Отводя взор, Лю Чжиян положил руку с зажатой сигаретой на поручень и стал размеренно постукивать пальцами по металлу. Сигоу и подумать не мог, что этот легкий стук может звучать словно размеренные удары похоронного колокола.

Судорожно сглотнув, Сигоу забормотал, заикаясь от ужаса:

— Советник Лю, я виноват! Не досмотрел, недоглядел за теми, кто поднимался на борт... Я виноват, мне нет прощения, я тварь, я заслужил смерть!..

С этими словами он начал ожесточенно хлестать себя по щекам — удар за ударом.

Лю Чжиян не ронял ни слова, бездушно наблюдая за экзекуцией.

К тому моменту, когда сигарета догорела до фильтра, щеки Сигоу распухли докрасна, а избитое лицо превратилось в месиво, так что он едва мог связывать слова.

Лю Чжиян раздавил окурок и бросил:

— Завтра чтоб в компании тебя не было.

Он развернулся, собираясь уйти, но в штанину мертвой хваткой вцепились.

Сигоу рухнул на колени. Голова его гудела от собственного рукоприкладства, но он изо всех сил держался за брючину Лю Чжияна и, заплетающимся языком, размазывая сопли, взмолился:

— Ди-директор Лю, отлупите меня, убейте, высеките!.. Только не выгоняйте! Умоляю, господин Лю, не прогоняйте из компании... Если меня выгонят, мне некуда податься! У меня две дочки в школе, старики-родители на руках! Без работы им крышка! Директор Лю, я виноват, это косяк!

Бейте меня, давите, делайте что хотите, только не выгоняйте!!

Это был уже второй человек за вечер, упавший перед Лю Чжияном на колени.

Вокруг стояли шестерки, с любопытством наблюдавшие за сценой. Лю Чжиян с ледяным равнодушием выдернул ногу и бросил, даже не обернувшись:

— Повторять дважды не стану.

Лю Чжиян толкнул тяжелую дверь VIP-салона, и на него тут же обрушился оглушительный шквал музыки. Стоило ему переступить порог, как к нему прильнула пышногрудая красотка в откровенном бикини. Придерживая бокал, она прошептала ему прямо в ухо:

— Красавчик, выпьем?

Забрав бокал, Лю Чжиян незаметно отодвинул девицу и опустился на самый край дивана. Девушка оказалась сообразительной: она лишь примостилась рядом, не навязывая больше никаких ласк.

Бешеный ритм музыки закручивался в кульминацию, крики и восторженный гул раскаляли атмосферу. Обнимавший сразу двух девиц Босс Янь схватил микрофон и крикнул на весь зал:

— Гань Чуань, а ты чего молчишь? Зажги!

Взоры присутствующих устремились на уже хорошо подогретого алкоголем Гань Чуаня, и толпа взорвалась скандированием:

— Директор Гань! Директор Гань!

Усмехнувшись, Гань Чуань поставил бокал и выплыл в центр танцпола, подстраиваясь под качающий бит. В лучах стробоскопов он выглядел чертовски привлекательно и ярко, вырывая у присутствующих девиц восхищенные визги. Его безудержная энергетика мгновенно заразила остальных: гости высыпали на танцпол, визжа, двигаясь и заходясь в общем угаре.

Световые вспышки слепили глаза, а плотный бас гремел так, что внутренности вибрировали в такт. В этом затерянном уголке юго-западной части Тихого океана роскошная яхта казалась изолированной вселенной.

Лю Чжиян же оставался посторонним в этом буйстве плоти и звука. Отпивая из бокала, он

откинулся на спинку дивана и отстраненно наблюдал за Гань Чуанем, зажигающим в центре зала.

Впрочем, на танцпол не рвался еще один человек — Чэнь Сун. Он сидел неподалеку и тяжелым, мрачным взглядом буравил Лю Чжияна. Впрочем, к бзикам этого психованного Лю Чжиян давно привык, поэтому продолжал молча цедить вино.

Дикие танцы продолжались больше двух часов. Наконец, уставшие авторитеты синдиката один за другим стали расходиться по каютам под ручку с красотками. Босса Яня, слегка пьяного, под руки довели до дивана. Чэнь Сун тут же угодливо наполнил его бокал, и они завели ленивую светскую беседу.

Когда оглушительные треки сменились более плавным мотивом, тяжело дышащий Гань Чуань грузно плюхнулся на диван рядом с Лю Чжияном. Вслед за ним приземлились девицы, липнувшие к нему весь вечер.

— Брат Гань, тебе виски или красного? — щебетала одна из них.

Гань Чуань скосился на бокал Лю Чжияна и, заметив рубиновую жидкость, бросил:

— Налей красного.

Босс Янь хмыкнул:

— Ты же раньше терпеть не мог вино?

— Эх, Босс, да я обычно пивком перебиваюсь — дома-то хорошего вина отродясь не водилось! А у вас погреба знатные, грех не причаститься.

Гань Чуань сделал глоток и тут же скривился:

— Ну и дрянь же.

Босс Янь рассмеялся и перевел взгляд на Лю Чжияна, почти скрытого за широкой спиной Гань Чуаня:

— Чжиян, ты ведь в группе уже лет пять, да?..

Поставив бокал, Лю Чжиян спокойно поправил:

— Шесть лет, Босс.

— Ледяной у тебя норов, — кивнул Босс Янь. — Правая рука Гань Чуаня, а мы с тобой толком и не общались никогда. И танцевать не пошел.

Лю Чжиян выдавил подобие вежливой улыбки:

— Не умею я танцевать, Босс.

Гань Чуань закинул руку ему на плечо и с ухмылкой заступился:

— Да ладно вам, Босс! Хмурый парень — это же хорошо. Если бы все трепались как я, вы бы с ума сошли.

Босс Янь задорно хохотнул и больше приставать не стал, принимая фрукты из рук угодливой девицы.

Гань Чуань повернулся к Лю Чжияну, игриво вскинул бровь и перевел руку с его плеча на затылок, лениво поглаживая чувствительную кожу на шее. Раззадорившись, он подался вперед, намереваясь поцеловать его в губы, но Лю Чжиян уперся ладонью ему в грудь.

Губы Лю Чжияна беззвучно сложились в жесткое: «Пошел вон».

Гань Чуань досадно цыкнул и убрал руку. Внутри закипело раздражение, захотелось на ком-нибудь сорвать злость, но вокруг сидели одни бабы — на них не отыграешься. Подняв глаза, он столкнулся взглядом с Чэнь Суном. Тот с кривой ухмылкой пристально разглядывал Лю Чжияна.

Гань Чуань сграбастал из вазы крупную виноградину и метко запустил Чэнь Суну прямо в физиономию:

— Нечего лупалы зря вылуплять, а то ячмень выскочит — ослепнешь.

Чэнь Сун насупился, мгновенно наливаясь яростью:

— Ты, блядь, совсем страх потерял? К чему доебался?

— Я исключительно из благих побуждений, — усмехнулся Гань Чуань. — Напоминаю, что сунуть нос не в свое дело вредно для здоровья.

— Завали ебало и сгинь отсюда.

— Чэнь Сун, Гань Чуань, — прежде чем перепалка переросла в драку, подал голос Босс Янь. —

Хорош грызться. Я вам тут кое-что приготовил.

С этими словами он шлепнул сидевшую рядом девушку по аппетитной ягодице и дал ей знак. Та поняливо поднялась и спустя минуту ввела в салон молоденькую, совсем еще юную девушку.

На девчужке было лишь скромное белое платье, распущенные волосы падали на плечи, а тонкие пальцы судорожно перебирали край ткани. Она сгорала от страха. На фоне вульгарных, густо накрашенных девиц её нежная, чистая красота смотрелась контрастно и свежо.

Взгляды присутствующих мужчин мгновенно прикипели к незваной гостье, хотя выражали совершенно разное.

— Целочка, — с довольным видом смакуя слово, произнес Босс Янь. — Нынче в Муяме такую днем с огнем не сыщешь.

Чэнь Сун откинулся на спинку, вальяжно закинув ногу на ногу:

— И кому достанется трофей, Босс?

Босс Янь усмехнулся:

— Тайцзинь же выдал вам всем браслеты при посадке? Вот лотерейный короб. Вытянем номер — чей совпадет, тот и заберет девку.

— А вы затейник, Босс, — со злорадным оскалом прошипел Чэнь Сун.

— Давай, милка, тани свой жребий, — велел Босс Янь.

Бывшая подле него девица бесцеремонно толкнула пленницу. Не удержавшись на ногах, бедняжка повалилась на колени и, стона от ужаса, подползла к коробке. Дрожащими пальцами она выудила табличку с номером.

Босс Янь забрал жетон и нажал кнопку на его торце.

В тот же миг браслет на запястье Лю Чжияна издал плачущий сигнал.

Все взоры тут же скрестились на Лю Чжияне.

Чэнь Сун презрительно сплюнул:

— Да он же баб не трахает! Добру только пропадать.

Босс Янь прищурился:

— Чжиян... Может, уступишь забаву товарищу?

У самого Босса Яня браслета не было, так что намек читался прозрачно: отдай девчонку Чэнь Суну.

Гань Чуань незаметно сжал бок Лю Чжияна, давая понять: замять тему — идеальный ход, чтобы сгладить напряжение и не нажить врагов.

Однако Лю Чжиян прекрасно знал: попади эта бедолага к Чэнь Суну, ее ждет лишь один исход — лютая, мучительная смерть.

Сняв браслет, он посмотрел прямо в глаза старшему:

— Я забираю ее, Босс.

Раз уж заявил права, нужно устроить шоу. Лю Чжиян сделал глоток вина и небрежно макнул пальцем в сторону девчонки.

Дрожа всем телом, она шаг за шагом приблизилась. Девушка из эскорта грубо ткнула её в плечи, заставляя рухнуть на колени:

— На коленях стой! Обслуживай господина как надо!

Босс Янь слегка откашлялся, и красотка, сообразив, мгновенно вернулась на свое место, подливая шефу выпивку.

Девушка стояла перед Лю Чжияном на коленях, содрогаясь всем телом. Тёмные пряди заслоняли мертвенно-бледное лицо, а с губ сорвался едва слышный шепот:

— Спа... спасите меня, умоляю...

Она говорила по-китайски.

У Лю Чжияна внутри все похолодело. Он крепче сжал бокал, чувствуя на себе десятки хищных взглядов: присутствующие ждали, как он поступит. Девчонка же ничего не понимала в воровских законах — просто сердцем почувствовала, что стоящему перед ней человеку можно довериться, и отчаянно вцепилась в его колени:

— Пожалуйста... спасите меня...

Босс Янь и Чэнь Сун переглянулись, с плотоядным усмехом наблюдая за этой драматичной сценой.

Лю Чжиян с сокрушительным треском опустил бокал на мраморный стол, размахнулся и звонко влепил девочке хлесткую пощечину. Удар был настолько тяжелым, что бедняга со сдавленным криком отлетела на полированный пол.

Нависнув сверху, Лю Чжиян прижал ее к палубе: одной рукой зафиксировал запястья над головой, а бедрами зажал ее талию. Закрыв собой обзор от Босса Яня и остальных, он беззвучно, одними губами скомандовал девочке:

«Ори!»

Та мгновенно сообразила: забилась в его руках и зашлась оглушительным, исполненным ужаса визгом. Лю Чжиян приник губами к ее шее, имитируя дикую страсть; девушка забилась еще сильнее, заходясь в крике.

Улыбка на лице Чэнь Суна стала совсем широкой и довольной.

— Заткнись и не смей говорить по-китайски, — едва слышно прошептал ей на ухо Лю Чжиян. — А теперь замахнись и ударь меня.

Девушка оказалась сообразительной. Стоило ему ослабить хватку на запястье, как она с размаху влепила ему звонкую пощечину прямо по лицу.

<http://bllate.org/book/20071/1990791>